

ИГОРЬ**ВАСИЛЬЕВИЧ****1887****СЕВЕРЯНИН****1941**

Он тем хорош, что он совсем не то,
 Что думает о нем толпа пустая,
 Стихов принципиально не читая,
 Раз нет в них ананасов и авто.
 Фокстрот, кинематограф и лото —
 Вот, вот куда людская мчится стая!
 А между тем душа его простая,
 Как день весны. Но это знает кто? —

так в 1926 г. сам поэт охарактеризовал себя и свое творчество.

Действительно, образ Игоря Северянина, созданный его восторженными поклонницами, походил на реального Игоря Васильевича Лотарёва не более, чем летящие по ночному небу звезды фейерверка — на порох и бикфордов шнур.

Родился будущий поэт 4 мая 1887 г. в Петербурге. Мать Игоря, Наталья Степановна, вышла замуж за военного инженера, поручика Василия Петровича Лотарёва, будучи вдовой генерал-лейтенанта Г. И. Домонтовича. Наталья Степановна, происходившая из дворянского рода Шеншиных и состоявшая в родстве с Афанасием Фетом, была образованной культурной женщиной. Она любила музыку и водила сына на оперные спектакли в Мариинский театр и в Большой зал консерватории с самого раннего детства. Игорь зачитывался стихами, как он говорил, «образцовых» поэтов, а в восемь лет написал свое первое стихотворение «Звезда и дева».

В 1896 г. родители Игоря развелись. Василий Петрович, дослужившийся к тому времени до штабс-капитана, вышел в отставку и, взяв к себе сына, поселился в усадьбе «Сойволе», в тридцати верстах от Череповца, где жили его брат и сестра. В Череповце Игорь закончил четыре класса реального училища. Отец занялся коммерцией. Однако разбогатеть ему не удалось, и весной 1903 г.

он уехал вместе с сыном на Дальний Восток, в Квантун, где устроился коммерческим агентом в пароходство. Игорь, соскучившись по матери, 31 декабря 1903 г. вернулся в Петербург. Василий Петрович перебрался в Ялту; в 1904 г. он умер. Наталия Степановна с сыном поселилась в Гатчине у своей дочери от первого брака, муж которой, человек сухой и чопорный, сразу же невзлюбил шурина. Игорь жил в этом доме, фактически, из милости. Сестра его рано умерла, не оставив брату наследства.

Приехав к матери, Игорь стал посылать в редакции газет и журналов свои стихи, но лишь в 1905 г. солдатский журнал «Досуг и дело» опубликовал его стихотворение «Гибель Рюрика». Юмористические стихи Игоря под различными псевдонимами печатались в «Колокольчиках», «Газетчике» и других журналах. Но в основном стихи молодого поэта издавались за его счет, небольшими брошюрами, большую часть которых Игорь рассылал по издательствам «для отзыва». С 1904 по 1912 г. он выпустил тридцать пять таких «сборников». В 1907 г. стихи Игоря похвалил Константин Фофанов. В том же 1907-м появился и псевдоним «Игорь Северянин». А в 1909 г. одна из его брошюр, называвшаяся «интуитивные краски», попала в руки Льву Толстому. В ней было стихотворение «Хабанера II»:

Вонзите штопор в упругость пробки,—
И взоры женщин не будут робки!
Да, взоры женщин не будут робки,
И к знойной страсти завьются тропки.

Толстому эти строчки показались недопустимо легкомысленными. Его резкий отзыв о стихах молодого поэта попал на страницы московских газет. В результате великий писатель, сам того не желая, привлек к Северянину внимание публики. Отныне Игоря наперебой приглашали принять участие в благотворительных вечерах, а его стихи стали охотно печатать в журналах.

Толстой, обратив внимание читателей на стихи молодого поэта, северянинского таланта не разглядел — у этого таланта было столько же общего с его собственным, сколько у искрометного венского вальса — с литургией. Стихи Северянина, причудливые и изящные, как экзотические цветы в оранжерее, были навеяны музыкой его любимых опер, образцами стихотворений его поэтических кумиров — Мирры Лохвицкой и Константина Фофанова, упоительными грезами о роскоши и о красоте:

Я — царь страны несуществующей,
Страны, где имени мне нет...
Душой, созвездия колдующей,
Витаю я среди планет.

Он перебирал красивые модные слова, как светская дама перебирает наряды и драгоценности перед балом:

Моя дежурная адъютантесса,—
Принцесса Юния де Виантро,—
Вмолнилась в комнату быстрее экспресса...

Но подобные вычурные стихи создавались в основном для публики, жадной до поэтических изысков. Изрядная часть этих стихотворений представляет собой попросту пародии. Северянин глубоко презирал толпу, бездумно превозносившую его. Его иронические стихи подчас не уступали сатирам Саши Черного:

В смокингах, в шик опроборенные, великосветские олухи
В княжьей гостинной наструнились, лица свои оглупив...

Но Северянин писал и другие стихи — прозрачные, нежные, искренние:

Месяц гладит камыши
Сквозь сирени шалаши...
Все — душа и ни души.
.....
Лес — как сказочный камыш,
А камыш — как лес-малыш.
Тишь — как жизнь, и жизнь — как тишь...

В 1911 г. книжка «Электрические стихи» удостоилась похвалы Валерия Брюсова, который увидел в Северянине преемника Бальмонта. Тогда же Игорь объявил себя родоначальником нового литературного направления — эгофутуризма. В числе основных принципов эгофутуризма были самоутверждение личности, органичное соединение новаторства традиций, отрицание стереотипов. Игорь с увлечением изобретал неологизмы — «лесофея», «озерзамок», «ядосмех», и новые стихоформы — поэматты, дизели, квинтины... В 1912-м на его стихи обратил внимание Федор Сологуб. Опьяненный славой, Северянин писал в октябре 1912 г.: «Я покорил Литературу! Взорлил, гремящий, на престол!» Тогда же произошло событие, годы спустя определившее его судьбу: поэт, страстно любивший природу, уединение и тишину, снял дачу в Тойла. Эта эстонская деревня стала для него тем же, чем было для Пушкина Болдино.

В 1913 г. вышел поэтический сборник Северянина «Громокипящий кубок». Эта книга была не только восторженно встречена его поклонниками, но и снискала похвалу знаменитых поэтов — Брюсова, Блока, Гумилева. За этим сборником последовали «Зла-

толира» (1914), «Ананасы в шампанском», «Victoria regia», «Поэзо-антракт» (1915) и «Тост безответный» (1916), за который Брюсов упрекнул своего бывшего протеже в отсутствии вкуса. В 1915 г., во время первой мировой войны, Северянина призвали в армию. Но солдатом он был, судя по всему, весьма недолго. Трудно найти более несовместимые вещи, чем казарма и поэт-«грэзер». Можно вспомнить, например, такой случай: как-то Северянин, он же — рядовой Лотарёв, в ответ на одобрительную реплику батальонного командира по поводу его меткой стрельбы небрежно бросил: «Мерси, господин полковник!» Впоследствии, в 1918 г., Северянин увидел в Ленине миротворца, прекратившего войну. 27 февраля 1918 г. на поэтическом празднике в московском Политехническом музее Игорь Северянин был избран королем поэтов. Второе место в этом состязании досталось Владимиру Маяковскому. Северянин — высокий, надменный, в черном сюртуке — царствовал на эстраде, не то читая, не то напевая свои изумительно музыкальные строки, и на звуки завораживающего голоса, как бабочки на пламя свечи, слетались поклонницы...

Первой возлюбленной Северянина стала Евгения Тимофеевна Гуцан, дочь дворника, которую Игорь, любивший красивые имена, звал Златой. Потом были Валентина Гадзевич, служившая в Петербургском мединституте (Игорь едва не женился на ней), Софья Шамардина («Сонка», дарившая свои ласки то Северянину, то Маяковскому), Дина, Зина, Мадлена, Елена... Пятое издание «Громокипящего кубка» поэт посвятил Марии Волнянской — «тринадцатой, и, как Тринадцатой, последней». Но Мария после семи лет совместной жизни рассталась с Игорем из боязни «одичать» в любимой им эстляндской глуши. Северянин вовсе не был «коллекционером женщин». Всех своих многочисленных возлюбленных он любил. Но, привыкнув жить в мире заоблачных грез, он был способен любить женщину лишь до тех пор, пока видел в ней «королеву, игравшую — в башне замка — Шопена». Чувство исчезало, стоило богине спуститься с небес на землю.

Северянин никогда не вмешивался в политику, но политика властно и бесцеремонно вторгалась в его жизнь. 28 января 1918 г. Игорь вместе с больной матерью уехал из голодного Петрограда в Тойла. Вернуться в Россию ему было не суждено: к марту 1918 г. Эстония была оккупирована немцами, а 2 февраля 1920 г. Советская Россия признала ее независимость. Так поэт оказался за границей — без родины, вне политики, не нужный ни красным, ни белым. То, что сам он считал себя не эмигрантом, а всего-навсего дачником, не меняло положения дел.

13 ноября 1921 г. умерла его мать. Спустя месяц Игорь вступил в законный брак. Его супругой стала Фелисса Михайловна Круут, дочь рыбака, у которого поэт снимал дачу:

Моя Таланточка! Моя Фелиссочка!
Моя Исканная! Моя Судьба!

Фелисса, несмотря на свое скромное происхождение, была незаурядной женщиной: начитанной, умной, наделенной тонким вкусом и поэтическим талантом. 1 августа 1922 г. у них родился сын, нареченный Вакхом.

Внешне «дачная» жизнь в Тойла была благополучной: Игорь ловил рыбу, любил прогулки, летом супруги принимали гостей, зимой ездили за границу, где Северянин выступал с «поэзовечерами», — в Латвию, Литву, Финляндию, Польшу, Германию, а в 30-е гг. — в Югославию, Болгарию, Францию. Северянин много писал, переводил на русский язык стихи эстонских поэтов, осваивал новые жанры — создал роман в стихах («Роса оранжевого часа», «Рояль Леандра» и др.), комедию («Плимутрок»). За рубежом было издано семнадцать его книг: «Creme de Violettes» (1919), «Вервена» (1920), «Колокола собора чувств» (1925)... Но поэт мучительно тосковал по родине — такой близкой и такой недоступной. Да и интерес к его поэзии с начала 20-х гг. резко упал. По мнению эмигрантской литературной элиты, Северянин «исписался». На самом же деле именно в эмиграции родились лучшие стихотворения поэта, написанные в новой, простой и точной манере. Эти стихи составили сборник «Классические розы», изданный в 1931 г. в Белграде.

Если с нею — как храм, природа.
Без любимой — она тюрьма.
Я за марку улов свой отдал:
Без обеда — не без письма.

В 1922 г., выступая с «поэзоконцертами» в Берлине, поэт все-речь подумывал о том, чтобы, не возвращаясь в Эстонию, ехать в СССР. Фелисса отговорила мужа от этого шага и, возможно, этим спасла ему жизнь.

Заграничные поездки Северянина продолжались до июня 1934 г.

В 1935 г. в жизнь поэта, «как струйка тока в оскорбляемый водкой хрусталь», вошла Вера Борисовна Коренди, и Северянин переехал к ней в Таллинн, оставив Фелиссу, бывшую его верной подругой на протяжении пятнадцати лет. Но Северянин, привыкший к уединенной жизни на лоне природы, задыхался в городе. С лета 1938 г. по весну 1939-го он жил в маленькой деревне Сааркюла на реке Россони, занимаясь огородничеством и рыбной ловлей. В 1939 г. он перебрался в Нарва-Йыэсуу. Снова, как в юности, поэт страдал от унижительного безденежья: в газетах произведения Северянина печатались нечасто, и гонораров ему, как прави-

ло, не платили; он вынужден был жить на средства Веры Борисовны. Порой «королю поэтов» приходилось ходить по гостиницам, предлагая заезжим знаменитостям свои книги с автографами по сходной цене, или по дачам, продавая наловленную им рыбу. К концу 1930-х гг. он почти перестал писать стихи.

В 1940 г. Эстония была присоединена к Советскому Союзу: для Северянина это событие означало возвращение на родину. Он даже написал пару восторженных стихов в советском маршевом духе. Игорь завязал переписку со старыми знакомыми, подготовил к печати сборник «Из последних стихотворений». В 1941 г. несколько его стихов было опубликовано в журналах «Огонек» и «Красная новь».

Однако увидеть Россию Северянину было не суждено. Когда началась война и фашистские войска вошли в Эстонию, больной, прикованный к постели Игорь Васильевич напрасно обращался в самые высокие инстанции, вплоть до М. И. Калинина, с просьбой помочь ему уехать в советский тыл. Говорят, кто-то, воспользовавшись неразберихой в начале войны, перехватил машину, посланную за поэтом.

Северянин умер от болезни сердца 20 декабря 1941 г. в Таллинне. Он похоронен на Александро-Невском кладбище.

На его могильной плите высечено знаменитое двустишие из «Классических роз» — насмешливо-горькое пророчество:

Как хороши, как свежи будут розы,
Моей страной мне брошенные в гроб!